



УДЕЛ БОГОРОДИЦЫ

Нынешней весной, будучи на острове Корфу, нежданно-негаданно стал я владельцем книжки об Афоне, изданной в товариществе братьев Кирьякидис в Салониках. Получил я эту книгу не от кого-нибудь, а от самого автора Панаётиса Цацинидиса, греческого писателя. Вышло так, что не напрасно я молился и мечтал побывать на Афоне.

Василий БЕЛОВ

Что значит Афон для русского человека? О, это много! Сгоряча-то все и не перечесть. Но я попробую. Попробую перечесть хотя бы самое главное, благо, у меня теперь есть живой помощник - писатель Панаётис, грек по национальности, человек православно ве-рующий.

Что более всего поразило меня в предыдущую поездку в Рим от Никольского фонда? Прежде всего осязаемая близость Греции - Эллады, как когда-то мы называли эту страну. Близость эта оказалась настолько явна, ощутима, что сейчас даже не верится. Но верьте или не верьте, в ту поездку произошли даже чудеса, например, образовалось вдруг большое ясное кольцо вокруг солнышка, и многие это кольцо сфотографировали. Разве это не чудо произошло в Риме после очередного чествования Угодника Николая около его усыпальницы? Кому как, а для меня чудо. И для моей жены Ольги Сергеевны тоже чудо. Чудом было и то, что писатель-грек подарил мне на Корфу свою чудесную книжку, которую берегу как зеницу ока.

...Самый потрясающий пейзажный эффект на Афоне - это поразительно синее море и облака, висящие под нами в божественно чистом небе. Чистота этого неба запоминается как бы навечно, по крайней же мере, навсегда, до жизненного конца... Воздух на Афоне тоже божественно чист, и несравним он ни с каким другим. Именно из-за этой чистоты воздуха человек ощущает

здесь близость родительницы Христа. Тут начинаешь верить в Благовещение, в Ее бессеменное зачатие, то есть в евангельскую истину, вот какова эта вечная чистота Матери Иисуса Христа! Воистину, это великое счастье - ощутить эту чистоту, эту глубину... Нет, отнюдь не зря русские люди так стремились на Афон! Такой неподражаемый воздух может сочетаться только с такой же неподражаемой тишиной, нарушаемой лишь редким колокольным звоном. Время здесь, кстати, измеряется только промежутками между молитвами, постами и православными праздниками. Живут монахи по средне-европейскому константинопольскому, то есть молитвенному времени. Монашеская жизнь вся состоит из трудов, служб и молитв, разделемых только принятием пищи. Никакой спешки, никакой торопливости, все размеренно, все по порядку, ничто в этой жизни не мешает друг другу.

Физический труд монахов всегда индивидуален, определен. Это объясняется монашеским послушанием, причем послушание не бывает слишком тяжелым, непосильным. Впрочем, монах афонский не бывает ленивым. Он всегда что-то делает и знает, что ему надо и что не надо, и делает слишком тщательно, честно. Мера между сном, отдыхом и трудом блюется среди монахов слишком тщательно. Да и как бы он, монах, стал блести распорядок, в котором так последовательно, так тщательно блюется эта последовательность? Как? Посильность физической деятельности в

сочетании с порядком - одно следует за другим, одно обязательно вытекает из другого, то есть последовательность обязательно дает потрясающий эффект, результат, назовем это явление как хочешь. Питание монаха тоже такого же свойства: в монастыре не едят мяса, рыбу едят лишь в определенные дни, причем вовсе не обязательно досытая. Всегда соблюдаются посты. Зато фрукты, маслины, арбузы у монахов на столах в изобилии... Может быть, оттого монахи и не болеют, и живут дольше, что едят в меру? Да, всего скорее, так и есть...

Приезжающие на Афон из России, Молдавии, Украины, Грузии, Сербии, Румынии пытаются тем же, что и монахи. Вообще, приезжие должны жить на Афоне по здешнему распорядку, посещать службы, подчиняться местным афонским обычаям, что они и делают, по моим наблюдениям, весьма старательно. Такая жизнь поистине радостна, дисциплинирует каждого, Афон учит молиться, жить и преодолевать житейские невзгоды.

Я познакомился с двумя монахами, которые выкладывали каменную оградительную стенку из камней. Один из них, отец Сергий, спросил меня: «Правда ли, что Василий Шукшин был отравлен?». Я рассказал, что знал по этому поводу. Подбрасывал подходящий, довольно тяжелый, камень, и мы замуровали этот камень в честь В.Шукшина в ограждение Пантелеимоновского монастыря. А на следующий день мы должны были уехать. Прощай, святая гора Афон, благодатные места, живописные горы, красавцы монастыри, испещренные незабываемыми фресками! Торопливо и поспешно поднялись мы на судно, чтобы плыть в Уранополис.

Среди отплывающих оказался один греческий священ-

ник, такой экспансивный, такой живой и энергичный, что говорил безумолку, да так громко и с такой энергией, что я запомнил его навсегда.

Жестокулируя, подобно артисту или клоуну, он ни на секунду не прерывал свою речь, и все же он не был ни клоуном, ни артистом, он был священником. Жаль, что мы ничего не понимали по-гречески. Лишь один момент был для нас ясен, это момент был для нас ясен, это момент с дельфинами.

С кем было можно его сравнить, этого человека? Я не знаю. Но батюшка был удивительно неподражаем. На кого он был похож? Неизвестно. Может, на Фиделя Кастро? Может, и на него. Но сколько было в нем энергии, сколько надо было ему сказать окружающим, что и не выразить.

Некоторые греки-слушатели усмехались, подсмеивались, но он не обращал на это внимания, а все говорил, говорил, да так горячо, так заразительно, что люди слушали его поневоле снова. Многие из греков курили. Может быть, священник говорил о вреде курения? Или о вреде пьянства? Не знаю, ничем теперь не проверишь, ничем не подтвердишь... Увы! Но какая энергия, какая убежденность, какой напор! Этот батюшка смог бы убедить, выпрямить взгляды сразу тысяче слушателей, не только тем тридцати, которые его слушали на пароме. Вот каких людей не хватает в России, каких священников, каких Цицеронов! Эти мысли не покидали меня до конца плавания...

Еще я вспоминал ряды пронумерованных монашеских чепцов, покоящихся на полках в костнице Пантелеимоновского русского монастыря. В Уранополис мы сошли на берег и далее до города нас довезли удобные, весьма комфортные автобусы, увлекающие кого ко сну, кого к новым философским размышлениям.

В автобусе я почему-то вспомнил имя Александра Македонского и... Александра Пушкина. Я начал сравнивать Буцефала с конем, который выведен Пушкиным в стихотворении «Песнь о вещем Олеге». Скажут: Афон-то тут при чем. На это я предлагаю вспомнить сейчас саму песнь о вещем Олеге по строчкам. У Пушкина ничего нет лишнего, все насквозь нужно и к месту! Из темного леса на встречу ему Идет вдохновенный кудесник, Покорный Перуну старик одному, Заветам грядущего вестник. Скажи мне, кудесник, любимиц богов, Что сбудется в жизни со мною? И скоро ль на радость соседей-врагов Могильной засыплют землею?

Буцефал Македонского, конечно, сильно внушительней коня Олега вещего... Но какова сила поэзии!